

ПРОМЫСЕЛ КУНИЦ (РОД *MARTES*) НАСЕЛЕНИЕМ ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА В ГОЛОЦЕНЕ¹

В.В. Гасилин*, Д.О. Гимранов**, П.А. Косинцев***

*Проведен анализ количества остатков куниц (род *Martes*) из голоценовых археологических памятников (поселения, специализированные охотничьи стоянки, могильники, святилища) лесостепной и степной зон Урало-Поволжья и горно-лесной зоны Южного Урала. Промысел куниц был относительно постоянным в каменном веке, увеличился в позднем бронзовом веке и далее нарастал в раннем железном веке и средневековье. В позднем бронзовом веке начинается специализированная охота на куниц, с раннего железного века в составе населения существуют группы профессиональных охотников, а в горно-лесной зоне формируется система специализированных охотничьих стоянок. Причиной увеличения добычи куниц был рост спроса на их мех.*

*Куницы, *Martes*, промысел, голоцен, археология, Поволжье, Южный Урал.*

Введение

В работе рассмотрена роль охоты на куниц (представители рода *Martes Pinel*, 1792) у древнего населения Поволжья и Южного Урала в последние 10 тыс. лет. В основу исследования положен анализ литературных и оригинальных данных по находкам костных остатков куниц из археологических памятников.

Представители рода куниц — оседлые, одиночно живущие звери, населяющие равнинные и горные леса, иногда безлесные скалистые горы [Гептнер, 1967, с. 506]. В Северной Евразии виды рода обитают в лесной и лесостепной зонах, в горах Кавказа и Средней Азии. В лесной и горно-лесной зонах куницы имеют наибольшую численность, в лесостепи она значительно ниже, в степной зоне куницы распространены локально и их численность минимальна [Гептнер и др., 1967, с. 506]. Все куницы — ценные пушные звери. Представители этого рода обитают на территории Южного Урала с позднего неоплейстоцена, на территории Поволжья — как минимум с раннего голоцена [Косинцев, Гасилин, 2008, с. 91].

Ранее было установлено совместное обитание лесной и каменной куниц в Среднем Поволжье и обитание лесной, каменной куниц и соболя на Южном Урале в голоцене [Гасилин, 2009; Гасилин, Гимранов, 2010, с. 67; Косинцев, Гасилин, 2011]. В работе мы рассматриваем род куниц в целом, не разделяя на виды, ввиду того что большая часть ископаемых находок представлена фрагментами черепа и костями посткраниального скелета, которые до вида не определимы. Считаем, что в голоцене каменная куница и соболь имели небольшую численность и ограниченное распространение в районе исследования, и полагаем, что основная часть находок костных остатков принадлежит лесной кунице — *Martes martes*. Косвенно это подтверждается современным распространением этих видов. В регионе сейчас обитает только лесная куница. Ее численность максимальна в горно-лесной зоне, на севере лесостепной зоны численность значительно ниже, на юге лесостепной зоны — минимальна, а на севере степной зоны куница встречается эпизодически [Асписов, 1973, с. 164–167].

Материал и методика

Костные остатки куниц найдены в 64 из 179 археологических памятников, костные комплексы из которых содержали остатки хищных млекопитающих (табл. 1). Эти памятники находятся в лесостепной и степной зонах Урало-Поволжья и Южного Зауралья и в горно-лесной зоне Южного Урала (рис.).

Все местонахождения с остатками куниц относятся к трем тафономическим типам в соответствии с основными механизмами накопления в них костных остатков.

Первый тип образуют местонахождения, в которых накопление костей куниц шло в результате естественной гибели животных. Все местонахождения этого типа расположены в пещерах

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 11-04-90747-моб_ст и интеграционного проекта УрО РАН № 12-М-456-2024.

и гротах. В них обнаруживают, как правило, полные скелеты куниц или их крупные части, целые черепа. Кости скелета обычно целые. Археологические материалы отсутствуют. Характерным примером является местонахождение в пещере Сумган-Кутук [Смирнов, 1975, с. 99]. Местонахождения этого типа в работе не рассматриваются.

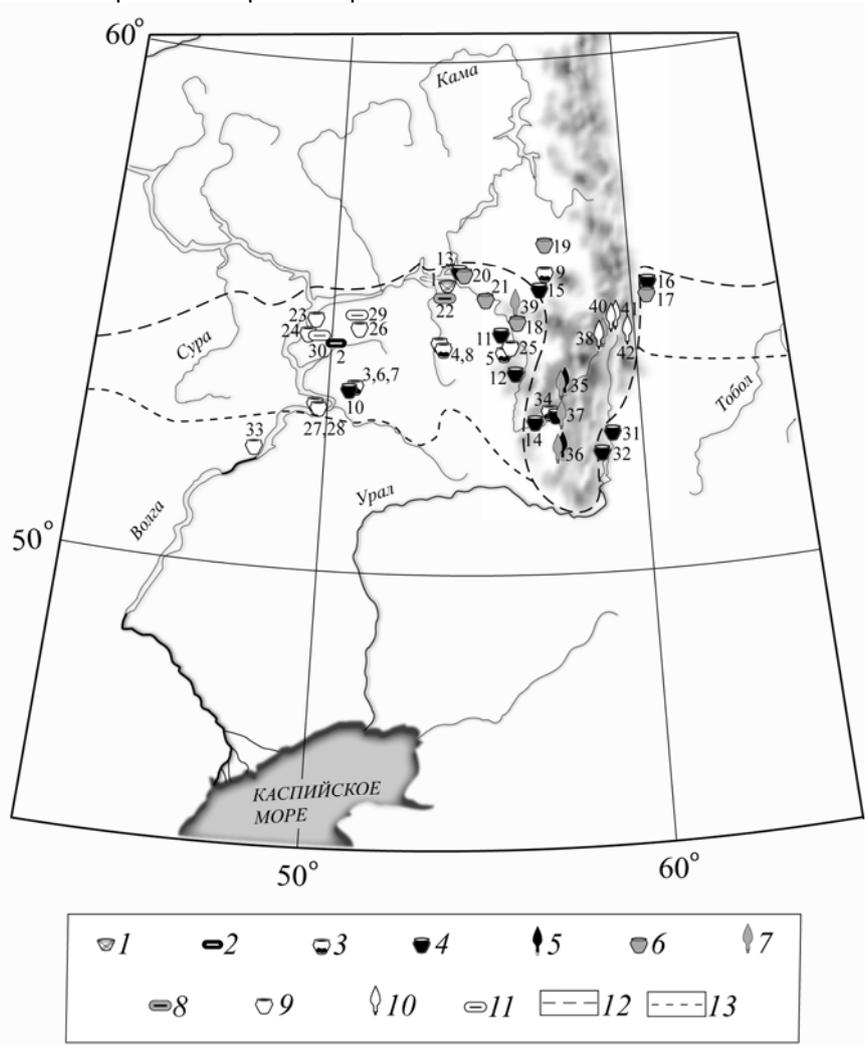

Рис. Карта-схема расположения археологических памятников Поволжья и Южного Урала с находками костных остатков куниц (*Martes*):

1–42 — номера памятников (названия см. в тексте).

Условные обозначения: 1 — мезолитическая охотничья стоянка; 2 — мезолитическое погребение; 3 — неолитическое поселение; 4 — поселение позднего бронзового века; 5 — охотничья стоянка позднего бронзового века; 6 — поселение раннего железного века; 7 — охотничья стоянка раннего железного века; 8 — погребение раннего железного века; 9 — средневековое поселение; 10 — средневековая охотничья стоянка; 11 — средневековое погребение; 12 — южная граница лесной зоны; 13 — северная граница степной зоны

Второй тип местонахождений — археологические памятники: поселения, могильники, святилища и специализированные охотничьи стоянки. На поселениях и в могильниках накопление костей происходило только в результате деятельности человека, поэтому данные местонахождения имеют ясную тафономию. Все охотничьи стоянки и святилища находятся в горно-лесной зоне Южного Урала. Они, за одним исключением, расположены в гротах или пещерах, что осложняет тафономию этой группы памятников. Гроты и пещеры постоянно посещают хищники, включая куниц, и соответственно костные комплексы в них накапливались в результате действия человека и естественных причин, как в местонахождениях первого тафономического типа. Решить эту проблему в значительной мере помогает археозоологический анализ костных ком-

Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене

плексов, позволяющий выделить костный комплекс, сформировавшийся благодаря человеку [Косинцев, Юрин, 2003, с. 70–71].

Третий тип местонахождений условно назван «смешанным». Это местонахождения в пещерах и гротах с артефактами и костными комплексами, в которых накопление костей куниц не удалось однозначно связать с деятельностью человека. Этот тип местонахождений подробно не анализируется.

Данные по археологическим памятникам разных типов характеризуют разные аспекты промысла куниц древним населением.

Материалы поселений и стоянок отражают роль охоты на куниц у населения разных археологических культур и промысловую нагрузку на популяции куниц. Для количественной оценки промысла куниц и его изменений в пространстве и времени нами использованы три показателя: 1) доля памятников (поселений и стоянок) с костями куниц среди местонахождений с костями хищных млекопитающих, которая интерпретируется как распространенность случаев добычи, промысловая востребованность куницы у населения, занимавшегося пушным и мясо-пушным промыслом; 2) доля костей куницы среди костей хищных, которая интерпретируется как удельный «вес» куницы в добыче; 3) среднее число костей куниц, приходящееся на один памятник с остатками хищных, которое интерпретируется как интенсивность промысла. Подчеркнем, что эти показатели независимы и отражают разные аспекты промысла. Объем анализируемого материала характеризуют два показателя: 4) число костей куниц; 5) число памятников с костями хищных млекопитающих.

Материалы из святилищ и могильников позволяют говорить о роли куниц в обрядах и культурах, однако костные комплексы из святилищ, как было отмечено выше, не всегда можно идентифицировать.

Рассмотрено соотношение костей трех отделов скелета на памятниках разных природных зон и эпох: головы (череп и нижняя челюсть); туловища (позвонки и ребра) и конечностей (лопатка, таз и собственно кости конечностей). Его анализ позволяет установить, приносили на поселение тушки добытых животных целиком или только часть тушек. Это может косвенно отражать степень сформированности промысловых навыков и традиций у населения и его отдельных групп.

Результаты и обсуждение

История промысла в природных зонах

Лесостепная зона. Остатки куниц найдены в археологических памятниках от мезолита (ранний голоцен) до позднего средневековья (конец позднего голоцена). Наиболее ранние свидетельства охоты на куниц в районе исследования представляет материал из мезолитической стоянки Сюнь II (1)² в Предуралье и из мезолитического погребения на горе Маяк (2) в Поволжье [Кузнецова и др., 2004, с. 132] (рис.).

О промысле куниц в неолитическое время свидетельствуют их остатки на поселении Чекалино IV (3) в Поволжье, на поселениях Муллино II (4) и Давлеканово III (5) [Петренко, 2007, с. 34, 36] в Предуралье. В энеолите куниц добывали жители поволжских поселений Гундоровка (6) и Лебяжинка III (7), предуральских поселений Муллино III (8) [Там же, с. 36] и Большая Ока (9).

В позднем бронзовом веке на куниц в Поволжье охотились в районе поселения Лебяжинка V (10) [Косинцев, Рослякова, 2002], в Предуралье — в окрестностях поселений Ахметово I (11), Мурадымовское (12), Старо-Кабановское (13), Тюбьяк (14) и Юкаликулево (15), в Южном Зауралье — у поселения Черкаскуль II (16) [Сальников, 1967, с. 370].

В материалах раннего железного века Поволжья остатки куниц не обнаружены из-за малого количества исследованных здесь поселений [История Самарского Поволжья..., 2000, с. 10–93]. В раннем железном веке добыча куниц велась в Зауралье обитателями поселения Березки Vв (17), в Предуралье — населением городищ Охлебининское I (18) [Петренко, 1984, с. 163], Серный Ключ (19) [Петров, 2003], Тра-Тау (20), Биктимировское (21) и населением, оставившим могильник Кипчакский I (22).

Средневековые поселения Поволжья и Предуралья, на которых найдены остатки куниц, — городища Болгарское (23) [Петренко, 1988, с. 254–255], Старомайновское (24) [Гасилин, 2005], Уфа II (25) [Сатаев и др., 2009], Билярское (26), селища Выползовское (27) [Петренко, 1979] и Ош-

² Здесь и далее номера памятников соответствуют номерам на рис.

Пандо-Нерь II (28) [Гасилин, 2002]. Остатки куниц обнаружены в погребальных комплексах Больше-Тиганского (29) и Танкеевского [Петренко, 2000, с. 142, 147] могильников (30).

Степная зона. Самые ранние находки костей куниц сделаны в отложениях неолитического возраста пещеры Смеловская II (31) в Южном Зауралье [Кузьмина, 2000, с. 140]. Найдены они и на поселении позднего бронзового века Таналык V (32) в том же районе. Третье из известных местонахождений с куницей в степной зоне Урало-Поволжья — средневековое поселение Широкий Буерак (33) на Нижней Волге [Недашковский, 2006, с. 80].

Горно-лесная зона Южного Урала. Остатки куниц найдены в нескольких слоях грота Археологов (34) в верховьях р. Белой, которые датируются от неолита до поздней бронзы [Данукалова и др., 2002], что говорит о промысле куниц здесь по крайней мере с неолита. Но следует отметить, что, например, население горных районов Среднего Урала вело промысел куниц в мезолите [Косинцев, 2007, с. 108], и это позволяет полагать, что на Южном Урале куниц промыслили с мезолита.

Об охоте на куниц в позднем бронзовом веке свидетельствуют их остатки в слоях этого времени грота Ташмурун (35) [Косинцев, 2003, с. 148] и пещеры Подпорная (36) [Гимранов, 2009, с. 88]. Это первые специализированные охотничьи стоянки Южного Урала.

Многочисленны остатки куниц в слоях раннего железного века охотничьих стоянок в пещерах и гротах Южного Урала: Байслан-Таш (37) [Yakovlev et al., 2006] и Ташмурун на р. Белой, Подпорная на р. Нугуш, Атыш I (38) на р. Лемезе, Калиновская (39) на р. Сим.

В средневековых слоях охотничьих стоянок Южного Урала остатки куниц также многочисленны: Атыш I, Ашинский пещерный комплекс №21 (40), Пегова пещера (41), Старое Логово (Улуир-10) (42) и Ташмурун.

Промысел куниц в регионе продолжался и в историческое время. Согласно письменным источникам, в XVII в. лесная куница являлась многочисленным видом в предуральской лесостепи, где ее активно добывало местное население [Кириков, 1966, с. 297]. Интенсивный промысел куницы также велся населением Южного Урала в XIX в. [Граков, 1978].

Динамика структуры промысла

Поселения. В лесостепной зоне из 99 поселений с остатками хищных млекопитающих кости куницы найдены в 26 поселениях (26 %); в степной зоне из 21 поселения кости куниц найдены на 3 (12 %) (табл. 1). Количество костей куниц на всех поселениях невелико, но показательно, что на поселениях всех периодов в лесостепной зоне этот показатель составляет около 1, в степной — около 0,1 (табл. 2). Абсолютная интенсивность промысла в лесостепи была примерно на порядок выше, чем в степи. Как видно, промысел куниц в степной зоне был распространен значительно меньше, чем в лесостепной, что связано с различиями в численности животных в природе [Асписов, 1973, с. 164–167].

В каменном веке в лесостепной зоне человеческие коллективы добывали куниц относительно чаще, чем в эпоху металла (табл. 2, показатель 1). Удельный вес куницы в общей добыче пушных зверей при этом менялся от эпохи к эпохе — он возрос при переходе от каменного к позднему бронзовому веку, резко сократился в раннем железном веке и снова увеличился в средневековье (табл. 2, показатель 2). Средняя интенсивность промысла куниц (табл. 2, показатель 3) изменялась обратно удельному весу в общей добыче пушных зверей — в 3 раза уменьшилась в поздней бронзе, в 2 раза возросла в раннем железном веке и вновь уменьшилась в средневековье. Иными словами, где добывалось относительно много пушных зверей, там и куниц добывали больше, с большей интенсивностью.

Соотношение отделов скелета неодинаково на поселениях разного времени (табл. 3). Количество костных остатков куниц в материалах поселений очень небольшое (табл. 3), что не позволяет сделать однозначных выводов. Вместе с тем следует отметить, что в материалах поселений неолита-энеолита и позднего бронзового века присутствуют все отделы скелета, а на поселениях раннего железного века и средневековья нет костей туловища (табл. 3). Это позволяет предполагать, что при переходе от поздней бронзы к раннему железному веку произошли изменения в промысловой деятельности населения и на поселения стали реже приносить целые тушки куниц, а чаще приносили шкурки с головами.

Специализированные охотничьи стоянки. Этот тип памятников характерен для периода с поздней бронзы до средневековья, когда практически все население региона имело производящий тип хозяйства. Этот тип выделен в результате археозоологического анализа костных комплексов из гротов в горно-лесной зоне. В составе комплексов доминируют кости диких ви-

Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене

дов, среди которых многочисленны кости пушных зверей, кости домашних животных единичны [Косинцев, 2003, с. 148]. Кости куниц найдены во всех памятниках этого типа (табл. 2, показатель 1). Удельный вес куниц в добыче пушных зверей в горно-лесной зоне в позднем бронзовом и раннем железном веке был стабильным — порядка 40 %, а в средневековье увеличился до 60 % (табл. 2, показатель 2). Интенсивность промысла (табл. 2, показатель 3) с ним не сопряжена и нарастала от эпохи к эпохе в два с лишним раза. Закономерность изменения этих показателей, обнаруженная для лесостепи, не наблюдается в горно-лесной зоне. Судя по большим значениям показателей 1–3, в век металла промысловая нагрузка на куницу в горно-лесной зоне была очень высока.

Таблица 1

Пространственно-временное и тафономическое распределение археологических памятников Поволжья и Южного Урала с остатками хищных млекопитающих

Тип памятника	Ранний голоцен	Средний голоцен		Поздний голоцен	
	Мезолит	Неолит-энеолит	Поздний бронзовый век	Ранний железный век	Средние века
Лесостепная зона					
Поселения	1/2*	7/12	7/40	5/20	6/26
Могильники	1/2	0/1	0	1/2	3/6
Степная зона					
Поселения	0	1/8	1/9	0/1	1/3
Могильники	0	0	0/1	0/2	0
Горно-лесная зона					
Стоянки	0	0	2/2	4/4	5/5
Святыни	0	0	0	6/8	0
«Смешанные» комплексы	14/28				

* В числителе — количество памятников с остатками куниц, в знаменателе — общее количество памятников с остатками хищных млекопитающих.

Таблица 2

Характеристики структуры промысла куниц Поволжья и Южного Урала в голоцене

Показатель	Ранний голоцен	Средний голоцен		Поздний голоцен	
	Мезолит	Неолит-энеолит	Поздний бронзовый век	Ранний железный век	Средние века
Поселения в лесостепной зоне					
1. Доля памятников с костями куниц среди памятников с хищными, %	50	58	18	25	23
2. Доля костей куниц среди костей хищных, %	5	24	31	10	31
3. Среднее число костей куниц в памятниках с хищными, абс.	1,0	1,3	0,4	0,9	0,6
4. Число костей куниц, абс.	1	15	17	17	16
5. Всего памятников с хищными, абс.	2	12	40	20	26
Поселения в степной зоне					
1. Доля памятников с костями куниц среди памятников с хищными, %	0	13	11	0	33
2. Доля костей куниц среди костей хищных, %	0	13	100	0	10
3. Среднее число костей куниц в памятниках с хищными, абс.	0	0,3	0,1	0	0,3
4. Число костей куниц, абс.	0	2	1	0	1
5. Всего памятников с хищными, абс.	0	8	9	0	3
Охотничьи стоянки в гротах в горно-лесной зоне					
1. Доля памятников с костями куниц среди памятников с хищными, %	0	0	100	100	100
2. Доля костей куниц среди костей хищных, %	0	0	39	37	62
3. Среднее число костей куниц в памятниках с хищными, абс.	0	0	78	169	370
4. Число костей куниц, абс.	0	0	156	677	1850
5. Всего памятников с хищными, абс.	0	0	2	4	5

Среднее количество костей на стоянках в сотни раз выше, чем на синхронных поселениях (табл. 2). Это не может быть объяснено различием в численности куниц в разных зонах, так как

в горно-лесной зоне она выше, чем в лесостепной, всего в 2–5 [Асписов, 1973, с. 164], а не в сотни раз. Причина различий в количестве костей, несомненно, в том, что на стоянках производился целенаправленный специализированный промысел куниц. Судя по археологическим материалам из стоянок [Гимранов, 2009, с. 88; Котов, Савельев, 2003, с. 126–127], начало этого промысла относится ко второй половине позднего бронзового века и, вероятно, связано с населением срубной, межовской и курмантаусской культур. Таким образом, специализированный промысел куниц начался в эпоху поздней бронзы и возрастал в раннем железном веке и средневековье.

В материале стоянок представлены все отделы скелета, и во все периоды преобладали кости конечностей (табл. 3). Очевидно, что на стоянки в основном приносили целые тушки. В позднем бронзовом веке соотношение отделов практически одинаково на поселениях и стоянках (табл. 3), что указывает на сходство некоторых аспектов промысловой деятельности населения поселений и охотничьих стоянок. При переходе от позднего бронзового к раннему железному веку соотношение отделов скелета на поселениях и стоянках становится существенно различным — в материалах поселений перестают встречаться кости туловища (табл. 3). Это отражает изменения в промысловой деятельности жителей поселений и стоянок, которые сохранились и в средневековье. Первые чаще приносили на поселения шкурки с головами, а вторые — целые тушки. С чем конкретно связаны эти изменения, сейчас сказать невозможно. Можно предполагать, что в раннем железном веке в составе населения выделяется группа, которая специализируется на охоте, и в ее промысловой деятельности появляются аспекты, не свойственные непрофессионалам.

Таблица 3

Соотношение отделов скелета куниц из разных типов археологических памятников Поволжья и Южного Урала, %

Тип памятника	Хронология	Отдел скелета		
		Череп	Туловище	Конечности
Лесостепная зона				
Поселения	Мезолит	0	0	100 (n = 1)
	Неолит-энеолит	63 (n = 7)*	10 (n = 1)	27 (n = 3)
	Поздний бронзовый век	29 (n = 4)	14 (n = 2)	57 (n = 8)
	Ранний железный век	80 (n = 8)	0	20 (n = 2)
	Средние века	100 (n = 8)	0	0
Могильники	Мезолит	100 (n = 3)	0	0
	Ранний железный век	100 (n = 19)	0	0
	Средние века	75 (n = 6)	0	25 (n = 2)
Степная зона				
Поселения	Поздний бронзовый век	0	0	100 (n = 1)
Горно-лесная зона				
Стоянки	Поздний бронзовый век	27 (n = 42)	17 (n = 26)	56 (n = 88)
	Ранний железный век	19 (n = 127)	23 (n = 157)	58 (n = 393)
	Средние века	28 (n = 509)	21 (n = 381)	51 (n = 960)
Святынища	Ранний железный век	24 (n = 12)	24 (n = 12)	52 (n = 26)

* n — абсолютное число костей куниц (экз.).

Орудия и способы промысла. Имеются материалы, которые позволяют охарактеризовать некоторые орудия и способы промысла куниц. На поселении поздней бронзы Юкаликулево [Обыденнов и др., 1994, с. 53–54], в слоях бронзового века охотничьих стоянок в гроте Ташмурун [Косинцев, 2003, с. 148] и в пещере Подпорная [Гимранов, 2009, с. 89] найдены черепа куниц с раздавленными в древности черепными коробками. Это позволяет реконструировать пассивный способ охоты на куниц с помощью самоловных орудий давящего типа. Многочисленность находок свидетельствуют о широком распространении давящих орудий в это время на всей территории рассматриваемого региона. Аналогичные повреждения имеются и на черепках куниц из слоя раннего железного века стоянки в пещере Подпорная [Там же]. Несомненно, добывали куниц и другими пассивными и активными способами.

Реконструкция динамики промысла куниц. Анализ данных, приведенных в табл. 1–3, позволяет провести реконструкцию особенностей промысла куниц на Южном Урале и в лесостепной зоне Урало-Поволжья в разные эпохи.

Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене

На протяжении каменного века куниц добывали на большей части поселений этой территории, но фактов их специализированной добычи не установлено.

Значительные изменения в организации промысла произошли во второй половине позднего бронзового века. Куниц стали добывать на небольшом количестве поселений (18 % поселений этого времени с находками костей куниц против 58 % объектов каменного века), но удельный вес куниц в структуре добычи возрос (доля костей куниц 31 % против 24 % в каменном веке). Связано это, на наш взгляд, со следующим. Основой экономики населения региона в это время было животноводство, а охота имела очень небольшое значение. Поэтому промысел куниц вело население только тех районов, где их численность в природе была относительно высокой, т.е. эффективность охоты была наибольшей. О начале целенаправленного промысла куниц на поселениях в это время свидетельствует и увеличение их удельного веса в добыче. Однако интенсивность промысла была низкой (среднее число костей куниц на поселениях этого времени 0,4 против 1,3 в неолите-энеолите), что может быть связано с недостаточным развитием промысловых навыков у скотоводческого населения. На последнее косвенно указывает тот факт, что на поселения приносили целые тушки добытых зверей (табл. 3). Появление в это время специализированных охотничьих стоянок в горно-лесной зоне отражает формирование специализированного промысла куниц. Вероятно, уже в составе населения срубной культуры появляются отдельные группы людей, которые специализируются на промысловой деятельности. Часть из них уходит для ее ведения в горно-лесную зону. С конца эпохи бронзы можно говорить о выделении в составе населения лесостепных районов Предуралья и Зауралья профессиональных групп охотников.

В раннем железном веке промысел куниц интенсифицируется. Их стали добывать на большем числе поселений (25 % против 18 % в позднем бронзовом веке), и увеличилась интенсивность промысла (среднее число костей куниц на поселениях 0,9 против 0,4 в позднем бронзовом веке). Это указывает на то, что в раннем железном веке, по сравнению с эпохой бронзы, большая доля жителей поселений стала добывать куниц. Но удельный вес в структуре добычи значительно снизился (в это время доля костей куниц составляет 10 % против 31 % в позднем бронзовом веке). Это связано с общим увеличением в это время охоты на хищников [Косинцев, Гасилин, 2006, с. 487–488]. Основное же свидетельство усиления промысла в это время — расширение географии и увеличение количества (рис.) специализированных охотничьих стоянок в горно-лесной зоне (табл. 2). Вероятно, в это время в составе населения окончательно формируются профессиональные группы охотников.

В средневековье по сравнению с ранним железным веком значительно увеличивается удельный «вес» куниц в структуре добычи на поселениях (31 % против 10 %), т.е. их начинают более активно добывать жители поселений. Одновременно почти в 2 раза увеличивается доля костей куниц на промысловых стоянках в горно-лесной зоне (табл. 2). Таким образом, в средневековье промысел куниц усиливается на всей рассматриваемой территории.

Реконструированная выше динамика промысла куниц отражает изменение потребности населения в их мехе и позволяет сделать ряд выводов о роли пушнины куниц в жизни и экономике древнего населения Урало-Поволжья. Отсутствие признаков специализированной охоты на куниц в каменном веке указывает на то, что их мех использовался для внутренних потребностей отдельных домохозяйств. Начало специализированного промысла куниц в эпоху поздней бронзы мы связываем с появлением у меха куниц социально значимого статуса. В чем он заключался в то время, сейчас сказать затруднительно. Резкое увеличение промысла куниц в раннем железном веке, на наш взгляд, несомненно, связано с его большой востребованностью у населения, в том числе у кочевников степной зоны. Меха экспортировались и далее на юг и запад. Еще большее значение в экспортно-импортных отношениях меха приобрели в средневековье [Белавин, 2000, с. 6–7], что нашло отражение в дальнейшем усилении промысла куниц.

Куницы в обрядах и культах

Куниц добывали не только в утилитарных целях. Их остатки найдены в могильниках и святилищах.

Могильники. Кости куниц найдены в единичных могильниках (табл. 1). В мезолитическом погребении на горе Маяк обнаружено 3 нижних правых клыка куниц [Кузнецова и др., 2004, с. 132]. В Кипчакском I могильнике пьяноборской культуры раннего железного века найдены 3 верхних клыка и 19 верхних хищных зубов куниц. Из погребения Больше-Тиганского могильника ранних венгров Поволжья происходят 4 нижние челюсти и 2 плечевые кости куниц [Петренко, 2000,

с. 142]. В одном из погребений Танкеевского могильника культуры Волжской Булгарии встречены 2 нижние челюсти куниц от 2 особей [Там же, с. 146]. Таким образом, кости куниц найдены в 4 могильниках из 14 с костями хищников, т.е. в 29 %. Среди этих остатков преобладают зубы и нижние челюсти (табл. 3), что указывает на избирательность использования костей куниц в погребальном обряде. С учетом того, что на территории Урало-Поволжья исследовано огромное количество разновременных могильников, очевидно, что роль куниц, как и хищников, в погребальном обряде древнего населения региона была очень невелика. В Южном Зауралье ни в одном из исследованных 67 могильников от энеолита до средневековья кости куниц не найдены.

Святылища. Все святылища находятся в горно-лесной зоне (рис.) и предварительно датируются ранним железным веком. Из них 7 расположены в гротах и 1 на вершине скалы. Святылища выделены на основании археозоологического анализа костного комплекса, который характеризуется избыточной раздробленностью костей [Косинцев, Юрин, 2003, с. 70–71], что не наблюдается на поселениях и охотничьих стоянках. В материалах 5 из 8 святылищ найдены кости куниц. Они целые или слабо фрагментированные, соотношение отделов скелета идентично таковому в материалах охотничьих стоянок раннего железного века и средневековья (табл. 3). Выше уже говорилось о том, что костный комплекс из святылищ включает примесь костей животных, погибших по естественным причинам и, возможно, в результате деятельности человека, не связанной с жертвоприношениями. В обоих этих случаях в составе комплекса оказываются остатки полных скелетов, т.е. то соотношение костей, которое и имеется в комплексе святылищ (табл. 3). Этот факт указывает на высокую вероятность того, что кости куниц не связаны с комплексом святылища, а попали туда в силу других факторов. Подтверждение того, что куницы не входили в состав собственно костного комплекса святылищ, видится нам в следующем. Имеются два комплекса костей из святылищ, в которых не найдены остатки куниц. Оба комплекса весьма богаты костями: один включает 3139, второй — 5237 костей. Последний происходит из полностью исследованного святылища. По археозоологическим характеристикам они не отличаются от комплексов из остальных 6 святылищ. Если бы куницы использовались в обрядах, то их остатки с очень высокой вероятностью должны были входить в состав этих комплексов и были бы обнаружены. Таким образом, имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что куницы не использовались в обрядах, в результате которых сформировался изученный тип святылищ. Кости куниц попали в эти комплексы в результате действия других факторов.

Подвески. Находки подвесок из нижних челюстей куниц известны в регионе начиная с раннего железного века. Они, вероятно, также связаны с какими-то культурами или обрядами.

Заключение

Анализ находок остатков куниц из голоценовых археологических памятников лесостепной и степной зон Урало-Поволжья и горно-лесной зоны Южного Урала показал, что большая их часть происходит из поселений лесостепной зоны и охотничьих стоянок в горно-лесной зоне. В погребальном обряде куницы эпизодически использовались в мезолите, раннем железном веке и средневековье. Попадание их костей в святылища не связано с деятельностью человека.

Промысловая нагрузка на популяции куниц, вероятно, была относительно постоянной в каменном веке, увеличилась в позднем бронзовом веке и далее нарастала в раннем железном веке и средневековье. В позднем бронзовом веке начинается целенаправленная охота на куниц и появляются первые специализированные охотничьи стоянки. В это же время, видимо, выделяются в составе населения Приуралья первые группы профессиональных охотников. В раннем железном веке в составе населения, вероятнее всего, существуют группы профессиональных охотников, эти группы уже полностью сформировались, а в горно-лесной зоне складывается система охотничьих стоянок. В средневековье эти процессы усиливаются. Целенаправленный промысел начинают вести не только профессиональные охотники, но и часть жителей поселений.

Причиной появления целенаправленного промысла куниц в эпоху поздней бронзы, вероятно, было придание их меху социально значимого статуса. Позднее меха куниц становятся одним из основных предметов обмена и торговли [Белавин, 2000, с. 6–7].

Динамика численности и ареалов отдельных видов куниц определялась природными, а с позднего голоцена — и антропогенными факторами. В историческое время соболь и каменная куница уже не встречались в рассматриваемом регионе [Кириков, 1966, с. 296], однако основной промысловый вид — лесная куница, несмотря на многовековой промысловый пресс, до

Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене

современности сохранила ареал и сравнительно высокую численность в лесостепной и горно-лесной зонах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асписов Д.И.* Волжско-Камский край // *Соболь, куницы, харза*. М.: Наука, 1973. С. 161–172.
- Белавин А.М.* Камский торговый путь. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
- Гасилин В.В.* Новое археозоологическое местонахождение — именьковский памятник селище Ош-Пандо-Нерь // Самарская Лука. Самара, 2002. № 12. С. 125–135.
- Гасилин В.В.* Фауна крупных млекопитающих Урало-Поволжья в голоцене: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Екатеринбург, 2009. 16 с.
- Гасилин В.В.* Фауна Старомайнского городища именьковской культуры // *Краевед. зап.* Самара, 2005. Вып. 12. С. 59–66.
- Гасилин В.В., Гимранов Д.О.* Видовой состав рода *Martes* на Южном Урале в голоцене // *Динамика экосистем в голоцене: Материалы Второй рос. науч. конф.*, 12–14 окт. 2010 г. Екатеринбург; Челябинск, 2010. С. 65–67.
- Гептнер В.Г., Наумов Н.П., Юргенсон П.Б. и др.* Млекопитающие Советского Союза: Морские коровы и хищные. Т. 2. Ч. 1. М.: Высш. шк., 1967. 1003 с.
- Гимранов Д.О.* Стратиграфия и тафономия охотничьей стоянки эпох палеометалла и РЖВ в пещере Подпорная (р. Нугуш, Южный Урал) // *XLI Междунар. Урало-Поволж. археол. конф. студентов и молодых ученых: Материалы конф.* Уфа, 2009. С. 87–90.
- Граков Н.Н.* Изменение численности лесной куницы и некоторые закономерности этого процесса // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* 1978. Т. 83, вып. 3. С. 46–54.
- Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И. и др.* Биостратиграфия четвертичных отложений пещер и речных террас широтного течения р. Белой // *Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища*. Уфа: Гилем, 2002. С. 32–57.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье*. М.: Наука, 2000. 423 с.
- Кириков С.В.* Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966. 348 с.
- Косинцев П.А.* Археологические материалы раскопок Ташмуруновского грота в верховьях реки Белой // *Уфим. археол. вестн.* Уфа: Гилем, 2003. Вып. 4. С. 148–162.
- Косинцев П.А.* Промысловые животные Восточной Европы и Западной Сибири в финальном палеолите-мезолите // *Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны в финальном плейстоцене-раннем голоцене*. М.: ИА РАН, 2007. С. 86–109.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В.* Охота в хозяйстве древнего населения Волго-Уральской лесостепи // *Вопр. археологии Поволжья*. Самара, 2006. Вып. 4. С. 484–490.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В.* Вековая динамика фауны крупных млекопитающих Южного Урала // *Вестн. Оренб. гос. ун-та*. 2008. № 12. С. 89–94.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В.* Исторические изменения северо-восточной границы ареала каменной куницы (*Martes foina* Erxleben, 1777) // *ДАН*. 2011. Т. 436, вып. 1. С. 139–141.
- Косинцев П.А., Рослякова Н.В.* Материалы по истории животноводства у населения Самарского Поволжья в бронзовом веке // *Вопр. археологии Поволжья*. Самара, 2002. Вып. 2. С. 145–150.
- Косинцев П.А., Юрин В.И.* Жертвенный комплекс из пещеры Сикияз-Тамак 1 // *Человек и пространство древних культур: Материалы всерос. науч. конф.* Челябинск, 2003. С. 69–72.
- Котов В.Г., Савельев Н.С.* Промысловая стоянка «Ташмуруновский грот» в верховьях реки Белой // *Уфим. археол. вестн.* 2003. Вып. 4. С. 124–147.
- Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А.* Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье // *РА*. 2004. № 1. С. 126–139.
- Кузьмина С.А.* Фаунистические данные по позднепалеолитической стоянке Смеловская II на Южном Урале // *Плейстоценовые и голоценовые фауны Южного Урала*. Челябинск: Челябинск, 2000. Вып. 1. С. 137–153.
- Недашковский Л.Ф.* Нижневолжский золотоордынский город и его округа // *РА*. 2006. № 4. С. 74–86.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А.* Хозяйство населения черкаскульской и мезовской культур Урала эпохи поздней бронзы: Препр. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1994. 112 с.
- Петренко А.Г.* Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. // *Новое в археологии Поволжья: (Археологическое изучение Билярского городища)*. Казань, 1979. С. 124–138.
- Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 176 с.
- Петренко А.Г.* Остеологические остатки животных из Болгара // *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. М., 1988. С. 254–271.
- Петренко А.Г.* Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань: Школа, 2000. 156 с.

В.В. Гасилин, Д.О. Гимранов, П.А. Косинцев

Петренко А.Г. Проблемы становления производящего хозяйства в Волго-Камье // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3: Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 10–47.

Петров А.Н. Остатки крупных млекопитающих из местонахождения Серный Ключ // Проблемы глобальной и региональной экологии. Екатеринбург: Академкнига, 2003. С. 183–184.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. 408 с.

Сатаев Р.М., Гимранов Д.О., Кульмухаметова Э.Д. Роль охоты в хозяйстве населения средневекового городища Уфа II // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 176–178.

Смирнов Н.Г. О направлении изменчивости краниологических признаков южноуральских лесных куниц в голоцене // Популяционная изменчивость животных. Свердловск, 1975. С. 98–105.

Yakovlev A., Danukalova G., Kosintsev P. et al. Biostratigraphy of the Late Palaeolithic site of «Bajslan-Tash cave» (the Southern Urals) // Quaternary Intern. 2006. Vol. 149. Iss. 1. P. 115–121.

Екатеринбург, ИЭРиЖ УрО РАН

*GasilinV@yandex.ru

**djulfa250@rambler.ru

***кра@ipae.uran.ru

Subject to analysis being a quantity of weasel (gen. Martes) remains in Holocene archaeological sites (settlements, specialized hunting camps, burial grounds, sanctuaries) from forest-and-steppe and steppe zones of the Ural and Low Volga basin, as well as from mountain-and-forest zone of the South Urals. Weasel hunting was relatively constant in Stone Age, increasing in the late Bronze Age and further increasing in the early Iron Age and medieval time. In late Bronze Age they started a specialized weasel hunting. Starting from early Iron Age among the population there were groups of professional hunters, while in the mountain-and-forest zone subject to development being a system of specialized hunting camps. The increase of weasel hunting was caused by growth of demand for its fur.

Weasel, Martes, hunting, Holocene, archaeology, Low Volga basin, South Urals.